

Сегодня исполняется пять лет со дня трагической гибели о. Александра Менья

Уже по традиции в канун трагической даты в Библиотеке иностранной литературы проходит Международная конференция памяти протоиерея Александра Менья «Да будут все едино». В ней принимает участие историк и публицист из Франции Ив Аман, автор книги «Отец Александр Мень

Христов свидетель в наше время». Эта книга переведена на русский язык и уже выдержала два издания. По сути, не считая сборников воспоминаний, это первая в России монография о жизни и деятельности о. Александра Менья. С ее автором беседует наш корреспондент.

— Ив, когда вы познакомились с отцом Александром?

— В августе 1970 года, когда приехал в Москву в качестве гида и переводчика туристической студенческой группы. В это время в Москве жила французка русского происхождения Анастасия Дурова, которая вернулась в Россию через много-много лет и завязала близкие отношения со многими христианами. И для некоторых членов нашей группы она устроила конспиративную встречу с одним молодым священником. Им был отец Александр. Потом кто-то дал нам адрес его храма в Новой деревне. Я остался на несколько дней в Москве после отъезда группы и решил разыскать храм, где служил этот молодой священник.

— Он так сильно заинтересовал вас?

— Конечно. Положение Церкви в СССР тогда было тяжелое, в храмах можно было увидеть только старушек. И вдруг такой молодой, умный, обаятельный священник. Я поехал к нему один, заранее изучив маршрут, чтобы ни у кого не спрашивать дороги. Не хотел привлекать ничего внимания. То было под Успенье, в августе. Я вошел в храм во время службы, и отец Александр сразу узнал меня, потом повел в свой кабинет.

— И о чем вы говорили?

Рабочий момент конференции

— Дело в том, что меня попросили привезти для него его последнюю книгу, изданную в Брюсселе, — «Истоки религии». Тогда он впервые увидел ее в напечатанном виде. Я запомнил, как он смеялся, рассматривая свою книгу, потому что иллюстративный материал он брал из атеистиче-

работал не меньше, чем над текстом.

— Легко вам далась эта книга?

— Да. Ее план как бы сам собой составил. Очень легко и быстро. В начале 93-го года книга вышла на французском языке, а потом ее решили перевести мои русские друзья. Я отнесся к тому предложению осторожно, потому что одно дело — книга о таком человеке для западного читателя и совсем другое — для русского. Но вот она все-таки вышла уже двумя изданиями.

— Какие черты личности Александра Менья вам особо дороги?

— Я хорошо понял и стремился передать такую мысль: его детские и юношеские годы были временем его подготовки к миссионерской деятельности. Он стал христианином с самого детства, хотя родился в разгар атеизма, в 1935 году. Необычен и тот факт, что его мама, Елена Семеновна, уже в начале 30-х годов обратилась к христианству.

— Отец Александр сам рассказывал вам о своей жизни или вы находили нужные вам сведения из других источников?

— В начале 80-х годов, когда я был во Франции, до меня несколько раз доходили

слоги о его аресте. Постоянные вызовы в Комитет по делам религий, откуда он всегда возвращался очень поздно и очень усталым, беспокоили его друзей. И тогда я обратился к нему с просьбой написать для меня свое краткое жизнеописание. И он сделал это и сумел в обход КГБ передать написанное во Францию. У меня была также в самиздатовском варианте книга его тети о Русской катакомбной церкви в 30—40-е годы. Мне кажется, я понял главное: промыслом Божиим отец Александр был подготовлен к той миссии, которую он и осуществлял со времени его рукоположения в священники и до самой смерти.

— Что в облике отца Александра вы бы особо отметили?

— Больше всего в нем поражало то, что к каждому отдельному человеку, любому, он относился как к самому близкому. Многие так и считали: «Я его единственный и близкий друг». Каждый в его глазах был исключительной личностью. Так относиться к людям при темпе его жизни было нелегким делом. Даже если он очень спешил, все равно, когда с ним рядом был человек, отец Александр давал понять, что для него нет ничего важнее, чем этот собеседник.

Большее всего в нем поражало то, что к каждому отдельному человеку, любому, он относился как к самому близкому. Многие так и считали: «Я его единственный и близкий друг». Каждый в его глазах был исключительной личностью. Так относиться к людям при темпе его жизни было нелегким делом. Даже если он очень спешил, все равно, когда с ним рядом был человек, отец Александр давал понять, что для него нет ничего важнее, чем этот собеседник.

— Что в облике отца Александра вы бы особо отметили?

Большее всего в нем поражало то, что к каждому отдельному человеку, любому, он относился как к самому близкому. Многие так и считали: «Я его единственный и близкий друг». Каждый в его глазах был исключительной личностью. Так относиться к людям при темпе его жизни было нелегким делом. Даже если он очень спешил, все равно, когда с ним рядом был человек, отец Александр давал понять, что для него нет ничего важнее, чем этот собеседник.

Христов свидетель нашего времени

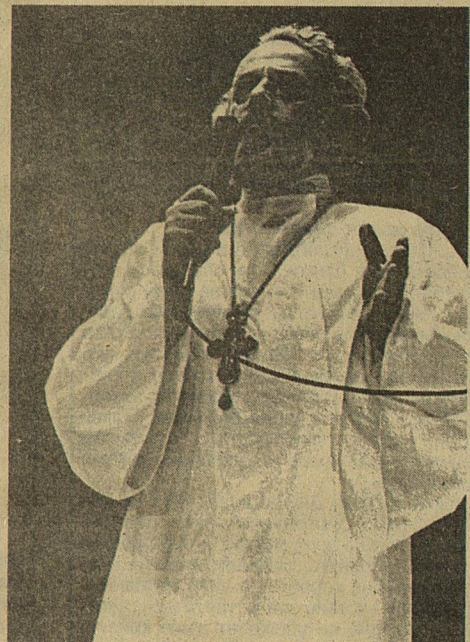
Вер. Москва. - 1995. - 9 сент. - с. 4.

— А когда вы встречались с отцом, вы вели записи бесед?

— Нет, я ничего никогда не писал, не желая подвергать его даже малейшему риску. И о книге я тогда не думал, мне было просто приятно и необходимо с ним общаться. Я получал от этого большой заряд душевных сил. Он обладал таким даром. Даже сейчас стоит мне представить его облик, как чувствую прилив сил и душевных, и физических.

— Ив, не секрет: среди определенной части наших священнослужителей и верующих бытует мнение, что в своей богослужебной практике Александр Менья порой отходил от канонического православия.

— Я хочу ответить вам словами архиепископа Михаила (Мудьюгина), написавшего предисловие к моей книге: «Многие ставят в упрек отцу Александру недостаточную приверженность к некото-

рым условностям православной церковности, хотя он в своей пастырской деятельности не отрывался от установившейся богослужебной практики и, таким образом, ни в чем не шел вразрез с привычками и навыками любого православного богомольца. Однако все входившее с ним в личный контакт, а тем более в контакт богослужебный, ощущали внутреннюю свободу его молитвенного общения с Отцом Небесным, исполненную Духа, Который, по словам Спасителя, дышит, где хочет (Иоанн 3, 8).

— Вы получили христианское воспитание с детства?

— Да, но, знаете, помимо этого всегда важны какие-то толчки извне для развития твоего религиозного чувства, и в этом смысле знакомство с Александром Менем дало мне много. Я скажу: даже оно изменило меня во многом и заставило отчетливо понять, в чем суть христианства. Главным в служении отца Александра было привести людей ко Христу как к личности. И тогда жизнь людей очень круто меняется.

— Вы в своей книге не касаетесь следственной линии по делу убийства отца Александра. Почему?

— Видите ли, мне представлялось самым важным рассказать, кем он был для людей. Мы, конечно, пока не знаем, как это случилось доподлинно, но мне кажется, если отец Александр успел осознать, что произошло с ним после удара, то могу предположить, что он, произнес слова Христа: «Прости, Господи! Они не знают, что творят!». Его убили из-за его слова, которое он нес людям. Поэтому и сейчас самое важное для многих — услышать его слово, а не гадать, как это было. Но как человек, занимающийся современной советской историей, я имел свои предположения...

— Ив, а с какой темой вы выступали на конференции?

— Она связана с моей специальностью: отношения между Церковью и государством.

— Для нас, русских, это актуально. Уж очень неприятно смотреть, как наши политики в Пасхальную ночь стоят со свечами в Богоявленском соборе...

— Здесь есть два аспекта: судить о внутренней вере человека никто не имеет права. Только Бог судит. Но, конечно, у политиков всегда был соблазн использовать религию в своих целях.

— В вашей книге от первого, авторского, лица написан лишь один абзац — в заключении повествования. Я хочу его процитировать: «В последний раз я встретился с отцом Александром в июле 1990 года. Он принимал меня в своем маленьком кабинете и уходил первым — время, как всегда, поджимало. Попрошавшись, он направился к дверям, дважды возвращался, наконец пошел, но в дверях остановился, обернулся, и его лицо озарилось блеском глаз и улыбкой — одновременно доброй и лукавой, он сделал рукой знак победы «V» и ушел.

Только после его смерти я понял, что это был знак надежды, который надо передавать другим. Знак пасхальной победы».

Беседовала Татьяна ГЛИНКА

ОТЕЦ
Александр МЕНЬ

ХРИСТОВ СВИДЕТЕЛЬ В НАШЕ ВРЕМЯ